

— Конечно, ведь в главной роли мой кумир. Я не пропускаю ни одного его фильма, — Энди говорил всё более воодушевленно, активно жестикулируя. — Этот фильм просто потрясающий, от одного трейлера кровь закипает! Чингисхан ведет своих генералов в поход, он говорил, что хочет сделать все земли, покрытые травой, своими пастбищами. Поэтому он объединил монгольские степи, это так властно!

Слушая его яркий рассказ, Чжан Вэйдун тоже заинтересовался:

— Тогда давай сходим.

— Правда? Можно? Но как же компания...

Чжан Вэйдун уже свернул к торговому центру:

— Кинотеатр на третьем этаже, пойдем на лифте.

— Эй, да ну ее, — Энди припустил следом за ним. — Подожди меня!

Они едва успели к началу сеанса. Хотя билеты достались не на самые удобные места, но деньги были уплачены, и их сразу пропустили в зал. Чжан Вэйдун еще купил колы и попкорна. Возможно, двое мужчин, пришедших в кино вместе, выглядели странно: сотрудница за кассой всё время их разглядывала и даже дала лишнюю сдачу.

Чжан Вэйдун вернул лишние двадцать юаней и, забрав покупки, направился к залу.

Ему было плевать на чужие взгляды. Чист душой — нечего бояться. К Энди он испытывал симпатию, но ничего более. Он прекрасно осознавал свое положение и тот постыдный недуг, о котором было трудно говорить вслух.

На экране мелькали мечи и лилась кровь. Энди был поглощен фильмом, а Чжан Вэйдун витал в облаках, лишь изредка украдкой поглядывая на соседа. На самом деле, они с Энди уже могли считаться друзьями, и смотреть на него открыто было бы нормально, но Чжан Вэйдуна не покидало чувство, будто он делает что-то предосудительное. Он сам себя за это презирал.

Вскоре Чжан Вэйдун и сам втянулся в просмотр — не специально, просто фильм действительно оказался хорош.

Когда пошли финальные титры, зал наполнился плачем. Умирая, Темуджин отдал последний приказ: вынести его из юрты и положить на зеленую траву. Он хотел уйти из жизни, глядя в небо, чтобы его душа, подобно вольному соколу, парила над любимыми степями.

Темуджин сказал: Батыры, протрубите в рога, проводите меня! А затем продолжайте путь. Где есть ветер, там есть свобода.

И над бескрайней степью разнесся протяжный звук рогов — как же это было печально и величественно.

Великий завоеватель вернулся к небесам.

Чжан Вэйдун был наслышан об актере, сыгравшем Темуджина: лауреат Венецианского кинофестиваля, гений актерского мастерства. Раньше Чжан Вэйдун думал, что актерство — это просто чтение текста перед камерой с нужной эмоцией. Но сегодня, посмотрев фильм с Хэ Ианем, он изменил свое мнение: в его игре не было ни капли фальши!

Настолько реалистично, что стало не по себе. Чжан Вэйдун вдруг ощутил легкий озноб.

Глаза Энди покраснели, он шмыгнул носом и сказал:

— Я же говорил! Брат Ань просто невероятен, он вживается в роль так, будто в него вселяется дух. Даже не знаю, как он это делает.

Видя, что у Энди вот-вот потечет из носа, Чжан Вэйдун достал салфетку и протянул ее:

— Сыграл он действительно блестяще.

— Если у тебя будет шанс встретиться с братом Анем, попросишь у него автограф?

— Ты в своем уме? Откуда у меня шанс с ним встретиться?

— Ой, ну пообещай просто. Ты дебютировал раньше меня, да и известности у тебя побольше, вдруг и правда получится.

Чжан Вэйдун усмехнулся:

— Хорошо.

Глаза Энди внезапно засияли, он схватил его за руку:

— Отлично, договорились!

Чжан Вэйдун застыл, лишившись дара речи, словно кто-то сжал его горло. В полумраке кинозала Энди, одетый во все белое, сиял, и Чжан Вэйдун внезапно ощутил себя ничтожным. Непонятно почему, он почувствовал отвращение к самому себе, ему хотелось сменить личность, чтобы познакомиться с Энди заново. Или хотя бы перенестись на три года назад или вперед — лишь бы не быть тем, кто он есть сейчас.

Энди не заметил перемены в его настроении и радостно продолжал:

— Я давно слежу за братом Анем, но он ведет очень закрытый образ жизни, снимается в одном фильме в год и не ходит на промо-акции. Я даже вступил в его фан-клуб, но, к сожалению, так и не смог с ним увидеться.

Чжан Вэйдун ничего не ответил, молча высвободил руки, встал и пошел прочь. Он шел быстро, почти бежал, словно спасаясь бегством.

Выскочив из кинотеатра, Чжан Вэйдун закурил, жадно затягиваясь. Глядя на свое отражение в витрине напротив, он долго молчал, а затем от души выругался:

— Ну и мразь же я!

Даже после ругательств легче не стало. Он сердито посмотрел на свое отражение и побрел обратно в компанию.

Позже Чжан Вэйдун решил, что опозорился, и ему было неловко искать встреч с Энди, но тот, казалось, ничего не заметил и часто звонил ему. Постепенно они стали переписываться, обсуждая работу, сплетни в индустрии или жалобы на нелегкую долю новичков. Незаметно для себя они стали друзьями, которые могли говорить обо всем.

Сблизившись, они перестали стесняться, а юмор Энди часто заставлял Чжан Вэйдуна смеяться вопреки самому себе.

Даже Сяо Ба заметил перемены:

— Брат Дун, чего это ты всё время в телефон пялишься и лыбишься? Прямо как я, когда только познакомился со своей девушкой. Целыми днями на телефоне висим, не знаю, откуда берется столько болтовни.

Чжан Вэйдун испугался и тут же отрезал:

— Думаешь, все такие же придурки, как ты? Я в ленте новостей сижу!

Сяо Ба протянул шею:

— Покажи, что там смешного?

Чжан Вэйдун отвесил ему подзатыльник:

— Проваливай.

Сяо Цзюньгу был не в стране и должен был вернуться еще не скоро. Эта мысль радовала Чжан Вэйдуна: грех было не воспользоваться свободой и не оттянуться по полной. Но куда пойти одному? Нужно было найти компанию. Перебрав в уме знакомых, он вспомнил только Даху.

При мысли о нем Чжан Вэйдун охватила злость. Даху в последнее время вел себя странно: то не брал трубку, то бросал ее после пары фраз. Чжан Вэйдун решил поймать его лично. В баре, где тот раньше выступал, сказали, что Даху больше там не работает, и Чжан Вэйдун, не раздумывая, отправился прямо к нему домой. Он приехал в поселок городского типа и долго блуждал по узким улочкам, пытаясь по памяти найти нужный дом.

— Какого черта? Кто там? Вечно ты выбираешь самый неподходящий момент, специально мне всё портишь? — Даху, с голым торсом и ругаясь, распахнул дверь, но, увидев Чжан Вэйдуна, тут же сник.

— Кто я? Я твой дед, — Чжан Вэйдун оттолкнул его, вошел в комнату и окинул ее взглядом. Он усмехнулся и, указав на женщину, кутавшуюся в простыню, спросил: — Это и есть твои дела? Что ж, тогда я действительно не вовремя.

Женщина с густым макияжем поправила волосы и, считая себя неотразимой, подмигнула Чжан Вэйдуну. Она не знала, что слово проститутка для него значило многое, и это поведение вызвало лишь отвращение.

Даху превратился в мягкого бумажного тигра. Неловко улыбаясь, он поспешно сунул женщине деньги и выпроводил ее, а сам начал одеваться. В комнате царил беспорядок, похожий на последствия стихийного бедствия. Чжан Вэйдуну негде было сесть, поэтому он остался стоять:

— Пьянки, азартные игры, девки — ты, мать твою, собрал полный комплект. Живешь припеваючи, неудивительно, что игнорируешь меня, мешаю тебе, да?

— Да как я смею... — Даху достал из угла табурет, поставил перед ним и заискивающе улыбнулся. — Скоро же День образования КНР, работы навалилось. Видишь, я с трудом выкроил время, чтобы развлечься, а тут ты.

Чжан Вэйдун пнул табурет:

— Не скалься. Как ты вообще живешь? Где твоя жена?

Даху потер ладони:

— Дун-цзы, не лезь в мои дела... Я взрослый человек, неужели не понимаю, что делаю...

— Отлично! — Чжан Вэйдун стиснул зубы. — А когда ты задолжал сто тысяч в карты, почему не говорил мне не лезть? Когда тебе грозили пальцы отрубить, почему не просил не лезть? Получается, я всё это время совал нос не в свое дело? Прошу прощения!

Даху от неловкости молчал, продолжая тереть руки.

— Раз тебя так тяготит дружба с таким назойливым типом, как я, считай, что мы не знакомы, — Чжан Вэйдун развернулся и пошел к выходу.

Даху поспешил его остановить, пытаясь задобрить, но Чжан Вэйдун не обращал внимания и уже был у порога. Даху не выдержал и выпалил:

— Дун-цзы, не надо так! Ты мой лучший друг, но я правда не могу тягаться со Сяо Цзюньгу!

Чжан Вэйдун замер и крепко схватил Даху за плечо:

— Что? Говори четко!

— Вот так и вышло, — Даху сидел на низком табурете у уличного лотка с шашлыками и развел руками. — С чем мне, мать его, тягаться с таким боссом? Он запросто выкладывает шестизначные суммы, еще и грозился купить всю мою семью. Сам подумай, разве я могу ему противостоять?

Чжан Вэйдун потерял дар речи. Сяо Цзюньгу зашел слишком далеко. Теперь их отношения с ним... Он внезапно понял, что не знает, как смотреть в глаза Даху.

Даху, делая вид, что ничего не понимает, спросил:

— Дун-цзы, а что у вас со Сяо Цзюньгу? В прошлый раз ты сказал, что порвал с ним, но я вижу, что он очень озабочен твоими делами. Я совсем запутался.

Чжан Вэйдун сглотнул и, глядя в пол, ответил:

— Не спрашивай.

Даху усмехнулся про себя, но вслух сказал:

— Ладно, ладно, не буду. Дун-цзы, я правда ничего такого не имел в виду, просто боялся, что тебя... В общем, неважно. Что бы ни было, ты мой брат! Если кто посмеет тебя обидеть, я за тебя жизнь отдам.

Чжан Вэйдун взял себя в руки и сменил тему:

— Да пошел ты, продал меня за миллион.

Даху заискивающе улыбнулся:

— Ой, ну что ты. Если бы у меня были миллиарды, я бы тут же порвал этот чек и швырнул десять миллионов в лицо Сяо Цзюньгу, чтобы он провалился куда подальше.

Чжан Вэйдун пнул его так, что тот свалился с табурета:

— Ишь, какой амбициозный!

Даху охнул, поднялся, потирая поясницу:

— Амбиции желудок набьют? Или оплатят сегодняшний ужин?

Чжан Вэйдун промолчал. Он злился на Даху за то, что тот взял деньги Сяо Цзюньгу, но не мог его осуждать — иначе не сидел бы здесь. Положа руку на сердце, он понимал: будь он на месте Даху, вряд ли проявил бы больше гордости.

Принесли шашлыки, Даху попросил у хозяина бутылку пива. Два взрослых мужика уселись перед крошечным складным столиком. Они часто ели в таких забегаловках в студенческие годы, когда денег было мало, а мест для развлечений — еще меньше. Прошло десять лет, цены взлетели, даже пучок лука подорожал вдвое, а вкус уже не тот.

А что вообще осталось прежним? — думал Чжан Вэйдун. — Ничего. Ни он, ни Сяо Цзюньгу, ни Даху — все изменились. Лишь погибший Сяоху остался прежним.

— Даху, — сказал Чжан Вэйдун, — давай будем видеться реже. Звонить по праздникам, чтобы просто знать, что все живы — этого хватит. И, ради всего святого, завязывай с игрой. Займись делом, заberi жену, живите как люди.

Даху понимал, что эти слова идут от чистого сердца, и ему стало стыдно. Он закрыл глаза и залпом выпил кружку пива. Но смерть Сяоху была такой несправедливой! Такой ужасной! Он своими глазами видел, как того затянуло под колеса: еще минуту назад живой человек — и вот уже кусок мяса. Врачи сказали, что позвоночник раздроблен, и даже если выживет, останется парализованным. Сяоху промучился в больнице три дня, но спасти его не удалось. Даху не мог вспоминать, через что прошла их семья.

А убийца до сих пор на свободе. Если он сам не добьется справедливости, кто это сделает за Сяоху? Он знал, что Чжан Вэйдун человек совестливый и обязательно его найдет. Против Сяо Цзюньгу Даху был бессилен, но с Чжан Вэйдуном всё было иначе — Сяо Цзюньгу дорожил им.

— Дун-цзы, не говори так. Это я ублюдок, не надо было брать деньги Сяо Цзюньгу. — Даху, захмелев, прослезился и со всей силы ударил себя по лицу, оставив на щеке красный след. — Дун-цзы, я трус, никчемный неудачник... Эти деньги жгут мне руки, я даже не смел их тратить, завтра же верну Сяо Цзюньгу... Прости меня, брат...

Глядя на него, Чжан Вэйдун почувствовал такую тоску, что снова пнул его:

— Хватит лить слезы посреди ночи, аппетит портишь. Раз взял — уже не вернешь, думаешь, Сяо Цзюньгу так легко переубедить?

— Не могу я, по ночам спать не могу, эти деньги...

— Ты мужчина или нет? — Чжан Вэйдун прервал его и строго сказал: — Если так много

лишних денег, пожертвуй их.

— Дун-цзы, прости. — На этот раз Даху был искренен.

Чжан Вэйдун вымученно улыбнулся:

— Не будь таким противным. Ладно, я пошел. У тебя же есть деньги на девок, неужели на ужин не хватит? Считай, что ты меня угостил. Береги себя.

Даху проводил его взглядом. Уличный фонарь вытянул тень Чжан Вэйдуна, пока та не растворилась в ночи. Чжан Вэйдун не пошел к машине, а купил в ларьке пиво и побрел домой, попивая его на ходу. Он не был пьян, он был предельно трезв — по крайней мере, понимал, что он за человек.

С первого дня, как он уехал за границу, Сяо Цзюньгу звонил каждый день в одно и то же время. Даже если Чжан Вэйдун не брал трубку, телефон звонил, как будильник. В девять утра телефон снова зазвонил. Чжан Вэйдун, не глядя, нажал кнопку ответа.

— Я сплю? Большой господин, наконец-то соизволил ответить. — У Сяо Цзюньгу было три часа ночи. Он лежал в кровати, голос звучал хрипло от недосыпа, но очень весело.

Чжан Вэйдуна не было настроения болтать:

— Ты слишком много на себя берешь. Мне теперь и друзей иметь нельзя?

Сяо Цзюньгу, поняв, что это обвинение, выпрямился, закурил и неторопливо спросил:

— Ты про Даху?

— А у меня есть другие друзья?

Сяо Цзюньгу усмехнулся:

— Раньше не было, а сейчас — кто знает.

В этот момент Чжан Вэйдуну захотелось проклясть его предков — по тону Сяо Цзюньгу было ясно, что он всё знает.

— Значит, ты в курсе... — Сяо Цзюньгу медленно выдохнул дым. — Даху взял мои деньги.

Чжан Вэйдун холодно рассмеялся:

— Ты сам принес деньги на блюдецке, чего ты ожидал?

Сяо Цзюньгу перестал лениво тянуть слова и серьезно ответил:

— Дун-цзы, даже если бы кто-то предложил мне деньги, или даже приставил пистолет к голове, я бы не согласился.

Чжан Вэйдун промолчал. Он сидел в гримерке, стилист надевал на него парик. Костюм был надет, но без макияжа он выглядел нелепо. Он переложил телефон в другую руку, долго думал, что сказать, но Сяо Цзюньгу прервал его:

— Я вернусь через пару дней. Что хочешь в подарок? Французские духи? Нравятся?

Чжан Вэйдун помолчал:

— Босс, я знаю, что у тебя много денег, но подарки не нужны. Лучше приготовь себе гроб. Покупать семьи других людей — это тебе еще аукнется.

— Не называй меня боссом, — небрежно бросил Сяо Цзюньгу. — Я просто пошутил с ним, я не занимаюсь тем, что вне закона.

Чжан Вэйдуну стало смешно:

— Звучит так, будто ты никогда не нарушал закон.

На этот раз замолчал Сяо Цзюньгу. Спустя долгое время он осторожно спросил:

— С чего ты взял?

Чжан Вэйдун ответил:

— Ха, я знаю, что нет такой вещи, на которую ты бы не пошел.

Сяо Цзюньгу прищурился, размышляя. Видимо, он сам себя накрутил. Он сменил тон на развязный:

— Верно. Я не святой, и даже после смерти не стану добрым духом. Буду каждую ночь приходить к тебе, чтобы мы предавались утехам.

Чжан Вэйдун не нашелся что ответить. Напрягшись, он выдавил лишь:

— Несешь всякую чушь.

— Да, что бы я ни сказал, для тебя это чушь. Ладно, молчу. Говори ты, а я буду представлять тебя и...

Чжан Вэйдун дернулся. Сяо Цзюньгу говорил громко, и он не знал, слышал ли это стилист, стоявший рядом. Он поспешно переложил телефон к правому уху и прошептал:

— Пошляк.

Сяо Цзюньгу затушил сигарету и сунул руку под одеяло, сжав уже полутвердый член:

— Если бы мой дружок так не скучал по тебе, стал бы я таким пошляком? Ты не помогаешь мне облегчиться, неужели я не могу сделать это сам?

Чжан Вэйдун сбросил вызов. Вроде бы он был прав, но в итоге Сяо Цзюньгу всё вывернул так, что он не смог возразить ни слова. Мало того, он еще и дал себя подразнить. Чем больше он думал об этом, тем сильнее злился — просто бесило!

После съемок Чжан Вэйдун сказал Чжоу Ли:

— Завтра у меня выходной, разбирайся сама.

Чжоу Ли тут же взвилась:

— Не пойдет! Завтра в обед съемка рекламного плаката. Другие дела я могу перенести, но тут площадка арендована, фотограф ждет, не создавай мне проблем!

Чжан Вэйдун снял пиджак, накинул на плечо и вальяжно пошел прочь:

— Пока.

Чжоу Ли топала ногами от ярости:

— Эй, куда ты завтра собрался?

Чжан Вэйдун не оборачиваясь бросил:

— В пансионат.

На следующее утро Чжан Вэйдун отправился в пансионат, купив корзину фруктов, рыбий жир и птичьи гнезда. Он видел, что тетя живет там совсем одна, и хотел забрать ее на прогулку, но она боялась чужих людей, особенно с суровыми лицами — ей казалось, что это коллекторы. Чжан Вэйдун повез коляску к выходу, но тетя, увидев охранника, задрожала и начала кричать: У меня нет денег, пощадите!

Чжан Вэйдуну пришлось сдаться. Он вернул ее во двор и долго успокаивал, пока она не пришла в себя.